12+

Проспер де Барант

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477

Том 11

Проспер де Барант

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477. Том 11

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477. Том 11 / П. Барант — «Издательские решения»,

Одиннадцатый том «Истории герцогов Бургундских» барона де Баранта охватывает 1476–1479 годы: крушение державы Карла Смелого после битв при Грансоне, Морате и Нанси, борьбу за наследство юной Марии Бургундской, её плен в Генте и брак с Максимилианом Австрийским, а также политику Людовика XI, его завоевания и жестокие расправы.

© Барант П.
© Издательские решения

Содержание

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 6
Введение 6
Предуведомление 8
Людовик XI 9
Книга седьмая 9
Конец ознакомительного фрагмента. 33

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 11

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026
© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5001-9 (т. 11)
ISBN 978-5-0071-5002-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том одиннадцатый. — Карл Смелый — Мария Бургундская

Введение

Предлагаемый вниманию читателя одиннадцатый том «Истории герцогов Бургундских из дома Валуа» занимает особое место в обширном труде барона де Баранта. Если предыдущие десять томов были посвящены постепенному возвышению бургундского дома — от пожалования герцогства Филиппу Храброму в 1364 году до апогея могущества Карла Смелого, — то настоящий том повествует о катастрофическом крушении этой державы и о первых годах правления его наследницы, Марии Бургундской. Хронологические рамки тома охватывают период с 1476 по 1479 год — время, когда в течение нескольких месяцев рухнуло то, что создавалось столетием династических браков, войн и дипломатии.

Историческое значение периода

Смерть Карла Смелого под Нанси 5 января 1477 года стала одним из тех редких событий, которые меняют карту Европы. Бургундское государство, ещё недавно простиравшееся от Северного моря до Юры и от Соммы до Рейна, в одночасье лишилось своего государя, не оставившего наследника мужского пола. Единственной наследницей огромного, но внутренне разнородного комплекса земель осталась двадцатилетняя Мария — юная принцесса, не имевшая ни опыта управления, ни надёжных советников, ни армии. Воспользоваться этой ситуацией спешили все: французский король Людовик XI, давний и непримиримый противник бургундского дома; император Фридрих III и его сын Максимилиан; швейцарские кантоны, только что разгромившие Карла Смелого; города Фландрии, стремившиеся вернуть утраченные вольности; и многочисленные князья, каждый из которых преследовал собственные интересы.

Людовик XI как главное действующее лицо

Центральной фигурой тома является Людовик XI. Барант показывает его как государя, чей политический гений был неразрывно связан с моральной неразборчивостью. Король действует одновременно как завоеватель, дипломат, интриган и палач. Его тактика в отношении бургундского наследства отличается характерным сочетанием терпения и вероломства: он не спешит с открытым объявлением войны, предпочитая сначала обеспечить себе юридические и дипломатические основания для захвата спорных земель, а затем действовать силой там, где это сулит быструю выгоду. Барант подробно освещает его методы — подкуп должностных лиц и целых городов, использование тайных агентов вроде цирюльника Оливье ле Дена, разжигание городских мятежей, манипулирование судебными процедурами. Процесс герцога Немурского и казнь коннетабля де Сен-Поля показаны как примеры судебной расправы над политическими противниками, облечённой в форму законности.

Мария Бургундская и её трагическое положение

Образ Марии Бургундской — один из самых проникновенных в книге. Барант рисует её как жертву обстоятельств, вынужденную лавировать между гентскими мятежниками, удерживавшими её фактически в плену, французским королём, стремившимся лишить её наследства, и собственными советниками, часть которых была подкуплена. Особенно сильное впечатление производит сцена казни канцлера Гюгонне и сеньора д'Эмберкура, когда молодая герцогиня тщетно умоляет разъярённую толпу о пощаде своих верных слуг. Её брак с Максимилианом

Австрийским показан как единственный возможный выход из политической изоляции, хотя сам этот союз был результатом не столько свободного выбора, сколько отчаянной необходимости.

Война и дипломатия

Значительная часть тома посвящена военным действиям во Фландрии, Артуа, Эно и Бургундии. Барант подробно описывает осады Арраса, Сент-Омера, Валансьена, Конде, сражения при Везуле и Грансоне, кампанию в Франш-Конте. При этом автор не ограничивается перечислением событий: он анализирует причины неудач французской армии, среди которых главными оказываются жадность и жестокость королевских капитанов, произвол губернаторов и отсутствие дисциплины. Особенно ярко показана трагедия бургундского дворянства, которое, лишившись государя, было вынуждено выбирать между верностью погибшему дому и переходом на службу к победителю.

Структура тома

Том состоит из двух книг. Первая книга охватывает события от смерти Карла Смелого до завоевания Людовиком XI Артуа и первых смут в Бургундии. Вторая книга посвящена продолжению войны, процессу герцога Немурского, дипломатическим переговорам с Англией, Швейцарией, Бретанью и германскими князьями, а также браку Марии Бургундской с Максимилианом Австрийским.

Заключительные страницы

Завершается том описанием того, как Людовик XI, подписав годовое перемирие с Максимилианом, сумел вернуть почти всё герцогство Бургундское под свою власть. Однако торжество короля омрачено его растущей подозрительностью, болезнью и страхом перед изменами, которые в последние годы жизни превратили его в затворника Плесси-ле-Тура. Барант завершает повествование на трагической ноте, подводя читателя к пониманию того, что победа над Бургундией не принесла Франции ни внутреннего мира, ни прочной безопасности, а лишь умножила число врагов и ускорила наступление эпохи, в которой судьбы Европы будут определяться не столько доблестью государей, сколько игрой дипломатических и торговых интересов.

Предуведомление

История второго бургундского герцогства осталась бы неполной, если бы она не рассказала всех последствий смерти Карла Смелого. Нужно увидеть, как после битвы при Нанси рухнула и рассеялась эта бургундская держава, которая в течение ста лет господствовала над королевством или тревожила его. Несчастья Марии Бургундской, осиротевшей и оставленной в руках грубых и мятежных гентцев; её брак с эрцгерцогом Максимилианом, её преждевременная кончина образуют один из самых интересных эпизодов пятнадцатого века. Но что ещё более побуждало историка герцогов Бургундских продолжить немного свой труд, так это то, что Людовик XI стал главным действующим лицом этой эпохи, и невозможно было не показать его завершённое дело. Интерес остался бы незавершённым, если бы рассказ о его правлении, которое закончилось почти одновременно с правлением Марии Бургундской, не составил эпилог и заключение этого исторического периода. Таковы мотивы, побудившие автора увеличить объём уже столь значительного труда.

Несомненно, это много томов для описания одного лишь века монархии; но вместо того чтобы резюмировать события и пытаться быстро указать их ход и результаты, автор захотел вернуть им через детали нечто от интереса современников. Он стремился не выносить философское суждение о погребённых поколениях, но представить их живыми в их нравах, мнениях, бедствиях или надеждах; он полагал, что достаточно сделать их известными, чтобы их судили, и что история пятнадцатого века — это притча, мораль которой достаточно очевидна. Если он преуспел, если смог заставить прочитать эту хронику, извлечённую и часто скопированную из старинных французских хроник; если этот буквальный перевод старых времён не показался слишком скучным, то его простят за то, что он даёт ещё два тома. Они доведут читателя до 1483 года — времени смерти Людовика XI.

Книга VII жизнеописания Карла Смелого должна была войти в последний выпуск; но, чтобы не прерывать повествование, её публикуют вслед за десятым томом.

Людовик XI

Книга седьмая

Война против швейцарцев. — Битвы при Грансоне, Морате, Нанси. — Смерть герцога Карла.

Король только что прибыл в Лион, когда получил там весьма важные и весьма благоприятные для него новости.

Герцог Бургундский быстро выступил со своей большой и сильной армией [1]. Он привёл из Лотарингии около тридцати тысяч человек; граф де Ромон привёл ему около четырёх тысяч воинов из Савойи; шесть тысяч человек прибыли также из Пьемонта и Миланского герцогства. Артиллерия была прекраснейшей из когда-либо виденных: вся та, что была у него под Нейссом, увеличилась за счёт пушек, захваченных им в Лотарингии. Что касается обоза этой армии, он был огромен. Никогда герцог не выступал в столь великой пышности. Он вёл за собой все свои богатства: свою капеллу, свои драгоценности, свои прекрасные доспехи, свои золотые, позолоченные и серебряные сервизы. Его шатры и павильоны блистали золотом и шелком. Его слуги, пажи, лучники сверкали вышивкой и позолотой.

Не то чтобы он лично был склонен к изнеженности или роскоши; напротив, ему иногда нравилось показываться среди этой роскоши одетым в скверную серую одежонку [2]. Но его великолепие росло вместе с его гордыней. Он любил представать перед глазами государей и послов христианского мира в таком убранстве, которое внушало бы им почтение и давало бы представление о его величии; таким образом он заранее принимал внешний облик той королевской и императорской власти, о которой всё более мечтал. Он гордился тем, что вёл за собой и держал ниже себя принцев и знатных сеньоров: Фридриха, принца Тарентского, сына короля Неаполитанского, графа де Ромона, герцога Клевского, Филиппа Баденского, графа де Марля, сеньора де Шато-Гиона.

Так что эта армия напоминала то, что историки древних времён рассказывают о лагере Ксеркса и великих царях Персии. Вокруг герцога и принцев, смешавшись с воинами, виднелась толпа слуг, торговцев, женщин и девиц лёгкого поведения [3]. Вся эта толпа занимала окрест города, местечки, деревни, поля и отзывалась эхом вдали, в горах и долинах Юры, чьи бедные жители никогда ничего подобного не воображали. Ужас распространился по всем границам Франш-Конте.

Однако это грозное приближение не поколебало суждения старого маркграфа Рудольфа Баденского, графа Невшательского. Этот давний союзник Бургундского дома, друг герцога Карла, сын которого находился в этой армии, после того как употребил все усилия, чтобы предотвратить эту войну, вынужденный выбрать между двумя сторонами, полностью предался бернцам. Он хорошо видел силы этой блистательной бургундской армии, но давно знал, чего стоит бедный и суровый народ, на который она шла. Он призвал пятьсот человек из своих баденских подданных, поставил сильные гарнизоны в замках, защищавших горные проходы, передал свой город Невшатель швейцарцам и удалился в Берн.

Граф де Ромон командовал авангардом герцога; он вошёл через Жунь, который швейцарцы отказались защищать; оттуда пришёл в Орб, откуда они также добровольно отступили, отразив первые атаки неприятеля; и наконец подошёл к Ивердону. Этот город был его владением: большая часть жителей сожалела о том, что перешла под власть швейцарцев. К графу де Ромону послали монаха-францисканца, чтобы договориться о часе и способе, каким его введут в город.

В ночь с 12 на 13 января, когда гарнизон не проявлял никакой подозрительности, люди графа де Ромона проникли через внутреннюю часть двух домов, примыкавших к городским стенам. Они тотчас распространились по улицам с криками: «Город взят! Бургундия, Бургундия!» Город в один миг наполнился шумом и гамом; трубы трубили; солдаты каждой стороны окликали друг друга в темноте. Швейцарцы, полуодетые, полувооружённые, выбегали из жилищ или защищались от тех, кто пытался застигнуть их там. Бой шёл на улицах, в домах. Наконец швейцарцы, потеряв лишь пятерых из своих, сумели собраться и под командованием Ханнсена Шюрпфа из Люцерна в полном порядке отступили к замку, пробиваясь своими длинными пиками. Ханнс Мюллер из Берна тем временем защищал подъёмный мост от толпы нападавших.

Когда швейцарцы вошли внутрь и мост был поднят, они заметили, что один из их товарищей остался позади. Он спешил к замку, имея из оружия лишь арбалет и меч. Видя, что его преследуют, он выстрелил в того, кто был ближе всех, ранил его, бросился на него, добил мечом; вытащил стрелу, метнул её во второго, которого также сразил, чтобы подобрать её снова, и оставил её в теле третьего лишь потому, что уже достиг подъёмного моста, который опустился, чтобы принять его.

Граф де Ромон предстал перед замком, потребовал от этого слабого гарнизона сдаться, угрожал предать всех смерти. Ничто не могло поколебать мужество швейцарцев. Они разрушили печи и с высоты зубцов метали кирпичи в нападавших. Граф де Ромон приказал заполнить ров соломой и фашинами; затем подожгли. Пламя и дым окутали замок; ворота уже готовы были сгореть; вдруг они открылись; мост опустился, и швейцарцы обрушились на бургундцев. Они обратили их в бегство. Граф де Ромон был ранен. Они свободно прошли по городу, наспех собрали провизию в тавернах и кухнях, привезли несколько пушек и вернулись в замок. На следующий день из Берна прибыл отряд, чтобы усилить этот доблестный гарнизон. Решили, что это авангард швейцарской армии. В один миг город опустел от солдат и жителей. Согласно приказу начальников, он был полностью сожжён, и этот пост был оставлен, как уже были оставлены крепости Жунь и Орб. Они были слишком удалены от армии конфедератов, чтобы их можно было поддержать.

Гарнизон Ивердона отступил в замок Грансон со своей артиллерией. Было решено защищать эту крепость до последней крайности. Жители города, подданные сеньора де Шато-Гиона, были, как и жители Ивердона, на стороне бургундцев. Прежде чем замок был осаждён, они нашли способ захватить врасплох Брандольфа де Штейна, командира гарнизона, и, приведя его к стенам, пригрозили убить, если замок не сдастся: «Ах! конечно, — ответили швейцарцы, — он предпочтёт умереть, чем увидеть, как мы откроем наши ворота». И они показали решимость хорошо защищаться.

Вскоре прибыла вся армия герцога Бургундского. Он покинул Безансон 6 февраля. Проведя несколько дней в Орбе, он 19-го числа прибыл и расположился лагерем перед Грансоном. Тотчас он приказал идти на приступ, где потерял двести человек. Пять дней спустя была предпринята ещё одна попытка. После трёх часов сопротивления гарнизон сделал вылазку и отбросил нападавших. Он продолжал столь же доблестно защищаться. Но, хотя гарнизон был многочисленным, поскольку насчитывал восемьсот человек, его положение вскоре стало трудным. Бургундские пушки били по стенам день и ночь; командир Жорж де Штейн заболел; пороховой склад загорелся и взорвался; Жан Тилье, начальник артиллерии, был убит. Не успели создать запасы провизии; уже дошли до овсяного хлеба. Двое людей, рискуя жизнью, пересекли лагерь осаждавших и побежали в Берн, чтобы изложить там бедственное положение гарнизона Грансона.

Конфедераты мудро решили ничего не рисковать, пока не соберут все свои силы. Они ограничились тем, что отправили несколько лодок с провизией и боеприпасами. Но Грансон был окружён как со стороны озера, так и с суши: Анри Диттлингер, командовавший конвоем,

издалека увидел стены крепости, наполовину разрушенные артиллерией; он заметил сигналы гарнизона и не смог подойти, чтобы оказать помощь.

Уныние охватило часть осаждённых: Жан Вейлер, сменивший Жоржа де Штейна, начал говорить, что эта война сильно отличается от войн прежних времён Швейцарии. «Тогда всегда можно было сопротивляться; теперь же имеешь дело с такой мощью, что безумие сохранять какую-либо надежду; он собирался подумать о своём спасении и сохранить себя для более счастливого момента; обрекать себя на смерть — бесполезное мужество». Но Ханнс Мюллер, капитан гарнизона Ивердона, думал более доблестно, и большинство сначала было его мнения. Герцог приказал объявить, что, если крепость не будет немедленно сдана, он без пощады повесит всех этих вилланов. Ему ответили, что они не могут открыть ему ни ворот, ни калиток без особого приказа господ союзов.

Тогда один немецкий дворянин по имени Рамшваг попросил переговорить с людьми гарнизона от имени маркграфа Филиппа Баденского [4]. Он хорошо знал швейцарцев, часто бывал в их стране, говорил на том же языке. «Он произнёс перед ними речь, полную доверия и дружбы: «Друзья мои», — говорил он, — вы, конечно, благородно ответили монсеньору Бургундскому; но неужели вы думаете, что ещё можете получать приказы от господ союзов? Разве вы не видели этой ночью вдали на горах большой дым и небо, озарённое огнём? Фрибур разрушен; город захвачен врасплох; там вырезали мужчин, женщин, детей, священников, монахов, авуайе, советников, не оказав никакой пощады. Оттуда двинулись на Берн и Золотурн. Бернцы смиренно вышли навстречу армии, прося милости и предлагая ключи от города. Но монсеньор поклялся погубить их. Всё в беспорядке среди союзников; немцы с берегов Рейна не приходят к ним на помощь. Наконец, дорогие друзья, только вы ещё сопротивляетесь; ваша доблесть понравилась монсеньору; он высоко вас ценит. Не доводите же его до крайности; вы знаете, что это человек страшный и непримиримый, когда он разгневан. Мы воспользовались удобным моментом и испросили пощаду для вас; он позволил мне прийти сказать вам это, полагая, что вы дадите мне какое-нибудь хорошее вознаграждение за то, что я так потрудился ради вашего спасения, вашего избавления».» — «Хорошо», — сказал Ханнс Мюллер, — а как ваш герцог сдержал слово с гарнизоном Брие в Лотарингии?» — «Ах! — возразил Рамшваг, — это было совсем другое. Впрочем, разве вы не доверяете моему слову, когда я клянусь вам своей душой и своей кровью! Разве вы не доверяете монсеньору Филиппу Баденскому? Подумайте, что у вас только один момент; сейчас будет слишком поздно».

Капитаны совещались несколько мгновений; гарнизон был утомлён, уже потерял много людей. Женщины дурного поведения, проникшие из города в замок, были подкуплены бургундцами и развратили нескольких солдат. Вейлер взял верх. «„Мы можем“, — говорил он, — довериться монсеньору герцогу Бургундскому; это, как уверяют, верный государь; господин Филипп Баденский — сын маркграфа, лучшего союзника швейцарцев, который никогда нас не обманывал; сеньор де Рамшваг также наш друг, человек мудрый и испытанный, который не согласился бы принять наши деньги, если бы это было для того, чтобы нас предать».

Они отсчитали ему сто экю, и под его руководством вышли из замка, чтобы предстать перед герцогом. «Клянусь Святым Георгием! — воскликнул он, — что это за люди? и какие новости вы приносите? — Монсеньор, — ответил Рамшваг, — это гарнизон Грансона, который отдался на вашу милость». Герцог не стал слушать дальше; тотчас все швейцарцы были связаны по десять, по пятнадцать, по двадцать, руки за спиной, среди насмешек и оскорблений всего лагеря. Вскоре прибежали люди из Эставайе, с которыми швейцарцы так жестоко обошлись три месяца назад; жители Ивердона, чей город они только что сожгли; все требовали мести у герцога. Граф де Ромон, сеньор де Шато-Гион добавляли, что нужно начать эту войну, вселив великий страх в умы народов, чтобы страх затем открывал ворота городов и крепостей. «Когда никого не щадят, войны скоро заканчиваются», — говорили они. Сам Рамшваг поддерживал

их мнение; он утверждал также, что имеет счёты к швейцарцам за проигранный в их стране процесс.

Пленникам объявили жестокую волю герцога; они выслушали её спокойно, без всякого волнения, и никто не подумал упрекнуть другого в его судьбе: Вейлера раздели и повесили вместе с частью гарнизона на соседних деревьях; Мюллер и остальные на следующий день были утоплены в озере. Около двухсот человек герцог таким образом предательски погубил. В юности он всегда казался более суровым, чем жестоким; за последние годы страсть и препятствия, встреченные его волей, сделали его кровожадным и беспощадным, как его деда, герцога Жана Бесстрашного; иногда он хвастался, что похож на него.

Во время осады Грансона герцог продолжал устраивать свой лагерь самым грозным образом; правый фланг опирался на озеро; левый простирался до той части Юры, которую называют Тевенон, у подножия которой находятся болота. Впереди и на берегу озера, ведущем к Невшателю, герцог использовал для защиты небольшую реку Арнон, приказал вырыть рвы, возвести укрепления и разместил свою артиллерию; наконец, сделал свой лагерь почти неприступным, как будто хотел ждать там неприятеля. Его палатка стояла на холме, который ещё сегодня носит его имя, и оттуда он видел вдали всю ширь озера. Его план состоял в том, чтобы идти на Берн и Фрибур, всё опустошать на своём пути и сжечь эти два города, чтобы повергнуть страну в ужас и уныние. Уже почти все владения графа де Ромона и герцога Савойского, Лозанна и берега Женевского озера были легко отвоёваны принцем Тарентским, графом де Кампо-Бассо и частью итальянцев. Но вскоре герцог узнал, что встретит больше сопротивления.

Как только бернцы были предупреждены о походе герцога Бургундского, они написали повсюду своим конфедератам из швейцарских союзов и своим союзникам, чтобы придать им мужества и просить помощи. «Подумайте, — писали они немецким городам, — что мы говорим на том же языке, что мы часть той же империи; ибо мы считаем, что не отделены от неё. Разве у нас не общее дело? Разве вам не нужно сохранить империю и Германию от этого человека, чей дух не знает покоя, а желания — границ? Когда он подчинит нас своей власти, разве не на вас он пойдёт? Пришлите же нам всадников, аркебузиров, порох и кулеврины, чтобы мы могли избавить вас от него. Мы питаем добрую надежду, что дело не будет долгим и закончится хорошо».

Никола де Шарнахталь, авуайе Берна, сначала расположился в Морате. В начале осады Грансона у него было ещё только восемь тысяч человек. Вскоре прибыл Пьер де Фосини, авуайе Фрибура, с пятьюстами человек; Конрад Фогт с восемьюстами из Золотурна; Пьер де Ромерсталь с двумястами из Бьенна. Пока ближайшие союзники так поспешно собирались, всё было в движении на берегах Рейна и в горах; от Страсбурга до Сен-Готарда и до Инсбрука всё готовилось против государя, который распространил столько ненависти и ужаса. Сеньоры проявляли меньше усердия, чем города; им не казалось, что дело столь срочно [5]; тем не менее у них была добрая и искренняя воля. В Базеле взяли для военных расходов сорок тысяч флоринов, которые эрцгерцог Сигизмунд оставил там в распоряжение герцога Бургундского как выкуп за область Феррет.

Тотчас после бесполезной попытки снабдить Грансон провизией Никола де Шарнахталь повёл швейцарцев из Мората в Невшатель. Анри Гольдли, бургомистр Цюриха, привёл в то же время полторы тысячи человек из Цюриха, Бадена, Аргау и свободных бейливиков [6]. Вскоре прибыл контингент Страсбурга: коммуна отправила четыреста всадников и двенадцать аркебузиров, епископ — двести всадников; восемьсот человек из Базеля под командованием бургомистра Петерманна Рота; восемьсот человек из Люцерна под командованием авуайе Хассфуртера. Люди из Кольмара и Шлетштадта пришли немного позже. Наконец, в тот самый день, когда герцог Бургундский погубил гарнизон Грансона, прибыли четыре тысячи человек из старых немецких горных союзов — Швица, Ури, Унтервальдена, Цуга, Глариса, которых их дружба с бернцами наполняла рвением; командовал ими Рауль Рединг. Коммуна и капитул

Санкт-Галлена, Шаффхаузен, земля Аппенцелль также отправили своих людей, а эрцгерцог Сигизмунд, верный своему новому союзу, поручил Герману д'Эптингену вести своих рыцарей и вассалов. К 1 марта армия швейцарцев составляла около двадцати тысяч бойцов.

Герцог знал через тайные сношения маркграфа Филиппа, что силы неприятелей сильно увеличились; но он далеко не считал их столь многочисленными. Перед выбранной и укреплённой им позицией находился замок под названием Во-Маркус, который командовал дорогой из Грансона в Невшатель, сильно сжатой в этом месте, потому что горы приближаются к озеру. Герцог отправился туда с лучниками своей гвардии. Сеньор де Во-Маркус был из побочной ветви древнего дома Невшателя. Из страха или по убеждению маркграфа Филиппа он не оказал никакого сопротивления, пришёл преклонить колени перед герцогом, просил его милости и поступил на службу в его армию. Охрана Во-Маркуса и соседних высот была поручена сеньору Жоржу де Розимбо со ста лучниками.

Это был самый передовой пост бургундцев. Он был плохо выбран, если речь шла о том, чтобы идти к Невшателю; ибо швейцарцы в тот же момент занимали выход из ущелий Во-Маркуса и сосредоточенно располагались в Будри, за Реуссой, в том месте, где берег озера становится шире и открытее. Если же, напротив, герцог, следуя своему первоначальному замыслу, не пытался идти вперёд и рассматривал Во-Маркус лишь как передовую позицию, откуда его люди при необходимости отступят, всё преимущество оставалось за ним. Его капитаны, и особенно Антуан, великий бастард Бургундский, дали ему этот совет, насколько вообще можно было ему советовать. Не слушая никого, он решил не позволять отступать даже авангарду из ста лучников, который разместил в Во-Маркусе, и продолжать наступать к Невшателю; рискуя таким образом вступить в бой на местности, где преимущество численности было бы ничтожным, и в горной стране, где швейцарцы оказались бы опытнее его людей. Герцог, однако, был умелым военачальником; но, полагаясь на свою удачу, предаваясь гордыне, отвергая добрые советы, которые ему не нравились, он пришёл к действиям против того, что наиболее очевидно требовали его интересы, против того, что он знал и понимал лучше всех десять лет назад [7].

В течение дня 1 марта швейцарцы продвинулись к Во-Маркусу. 2-го числа, с утра, несколько людей из Швица и контингент из Туна, прослушав мессу в лагере люцернцев, двинулись на высоты близ Во-Маркуса, обходя замок и оставляя его слева. Они встретили сеньора Розимбо с его лучниками; бой начался, и бургундцы вскоре были отброшены. Тогда, продвинувшись ещё немного, швейцарцы с высоты, где находились, увидели всю бургундскую армию, которая в порядке, но не боевом, а походном, занимала дорогу вдоль озера.

Каждая сторона не знала ни замыслов, ни позиции другой. Тем не менее обе стороны решили сражаться. Герцог, верхом на большом сером коне, объехал ряды, расположил свои войска, отдал приказы. «„Идём на этих вилланов“, — говорил он, — хотя это и не люди, достойные нас».

Между тем швейцарцы, как только увидели столкновение своего авангарда с лучниками сеньора Розимбо, пошли той же дорогой за Во-Маркусом, и теперь многочисленный отряд под командованием Шарнахталя оказался перед авангардом бургундцев. Твёрдым шагом и в прекрасном порядке они спустились с высот к небольшой равнине у берега озера, где находилась картезианская обитель Ла-Ланс. Когда они приблизились к бургундцам, в виноградниках, покрывающих последние склоны холма, они, по древнему обычаю своих отцов, благоговейно опустились на колени, обнажили головы и совершили молитву, вверяя себя Богу. «Они просят пощады, — кричали бургундцы; — смотрите на этих вилланов, которые хотят с нами воевать, они даже не смеют начать».» — «Клянусь Святым Георгием», — говорил герцог, — мы скоро уничтожим этих псов-немцев, и всё, что они имеют, будет нашим».

Швейцарцы наступали квадратными батальонами, образуя стену из своих длинных пик и алебард. Знаменосцы, несущие их знамёна, стояли в середине батальонов; в промежутках находились пушки, стрелявшие непрерывно. На флангах Феликс Шварцмюрер из Цюриха и

Герман де Муллинен во главе легче вооружённых пехотинцев мешали бургундцам рискнуть обойти боевой корпус Шарнахталя.

Там был главный пункт боя. Герцог Карл приказал нести перед собой большое знамя Бургундии и воодушевлял своих рыцарей. Всё было устроено столь неблагоразумно, что у него там был только авангард, элита его рыцарей и всадников, но мало лучников, аркебузиров и артиллерии. Этой доблестной кавалерией командовал сеньор де Шато-Гион, и никто не имел больше ненависти и мужества в борьбе против швейцарцев, которые похитили его сеньории. Не было таких усилий, которых он не предпринял бы со своими рыцарями, чтобы прорвать батальоны неприятеля; тщетно, все атаки останавливались перед сомкнутыми остриями алебард. Он всё же проник до знамени Швица и дважды протянул руку, чтобы схватить его; в этой схватке Анри Эльзенер из Люцерна, напротив, захватил знамя сеньора де Шато-Гиона, и в то же время Ханнс-Ин-Дер-Груб из Берна ударил его и поверг.

Чтобы отомстить за него и восстановить бой, все рыцари и воины удвоили доблесть. Однако швейцарцы всё наступали, и мало-помалу бургундцы были оттеснены к берегу Арнона, потеряв своих самых знатных и прославленных бойцов: сеньора Луи д'Эмери, сына мессира Ролена, старого канцлера Бургундии; Жана де Лалена, сеньора де Сен-Сорлена, сеньора де Пуатье, Пьера де Линьяро из Ломбардии.

Герцог оказался наконец оттеснён к тому столь хорошо укреплённому лагерю, который не принёс ему никакой пользы, и к основной части своей армии, от которой его неблагоразумие его отделило. Он думал найти там всё своё преимущество. Но во время боя остальные швейцарцы продолжали занимать высоты; герцог внезапно увидел, как слева, на холмах Бонвиллара и Шампиньи, появилась ещё гораздо большая толпа врагов, чем та, с которой он уже сражался. Они наступали с ужасным шумом, выкрикивая: «Грансон, Грансон!» — как будто напоминая своим конфедератам о предательски убитых. Вскоре вдали послышался гулкий звук труб Ури и Унтервальдена. Это были два рога удивительной величины, которые, по преданию этих народов, некогда были даны их отцам Пипином и Карлом Великим и служили для того, чтобы возбуждать и собирать их в бою. Два сильных человека дули изо всех сил в эти два рога, которые обычно называли быком Ури и коровой Унтервальдена, и трижды заставляли звучать в горах этот протяжный и страшный звук, которого так долго боялись австрийцы и который бургундцам также предстояло узнать.

Небо прояснилось, и зимнее солнце ярко освещало эту новую армию, спускавшуюся с высот. «А это кто такие? — спросил герцог у Брандольфа де Штейна, того коменданта Грансона, что был взят в плен в городе ещё до осады замка. — Что это за дикий народ? Они тоже ваши союзники? — Да, монсеньор, — ответил пленник, — и самые древние из всех: это люди старых швейцарских союзов, что живут в высоких горах; те, кто столько раз обращал в бегство австрийцев; вот люди Глариса, и я узнаю их ландаммана Чуди; дальше — шаффхаузенцы, а вот ещё бургомистр Цюриха со своим отрядом».» — «В таком случае», — сказал герцог, — с нами покончено, раз один только авангард причинил нам столько хлопот».

Однако герцог не пал духом; он разъезжал повсюду, собирая своих людей, пытаясь построить их в боевой порядок, первым бросаясь в опасность. Но труды и доблесть были напрасны. Поспешное отступление кавалерии и лучших воинов уже начало распространять смятение и ужас в остальной армии; но когда услышали крики этих горцев и страшный, невиданный звук их труб; когда увидели, как они спускаются, низко опустив головы и широко шагая, словно ничто не могло их остановить; когда привезённые ими кулеврины начали неожиданно стрелять, — тогда беспорядок охватил весь лагерь. Панический ужас овладел умами. Итальянцы первыми обратились в бегство; все бежали обезумевшие туда и сюда, ускоряя свой бег, не останавливаясь ни на мгновение, словно преследуемые невидимой силой. Герцог окликал их, осыпал бранью, бил их ударами меча. Измученный усталостью, истощённый болью и яростью, оставшись почти последним, он наконец и сам обратился в бегство, не имея больше

ни лагеря, ни армии, и устремился наугад, сопровождаемый лишь пятью своими слугами. Он бежал так без остановки шесть льё до Жуня, в проходе Юры. «„Ах! монсеньор“, — говорил ему его шут во время этого печального отступления, — вот мы и ганнибализированы».

Наступала ночь; у швейцарцев было мало конных людей, и местность не благоприятствовала движениям кавалерии. Как только бургундцы были полностью рассеяны, а их укрепления остались без защиты, всякое преследование прекратилось, и победители, пав на колени, возблагодарили Бога, даровавшего им столь прекрасную победу. Уже началось разграбление лагеря: слуги и люди, не участвовавшие в бою, бросились, чтобы получить свою долю добычи. Начальники попытались внести, насколько возможно, некоторый порядок в раздел стольких богатств. Назначили комиссаров по добыче; заставили армию присягнуть, что ничего не будет утаено и что все будут честно ждать распределения частей, назначенных каждому городу.

Было весьма трудно сдержать жадное рвение, которое должна была возбудить такая добыча [8]. Однако большинство этих бедных швейцарцев были далеки от того, чтобы знать цену всего, что они захватили. Никогда подобная роскошь не представала их взорам; они не знали ни что прекрасно, ни что редко; как дикари, они изумлялись всему этому блеску, но не знали ни употребления, ни цены стольких вещей, неизвестных им, простым горным жителям. Они продавали серебряную посуду за несколько денье, не думая, что она из другого металла, а не из олова; золотые и позолоченные сосуды казались им тяжёлыми и неудобными [9], и, считая их медными, они спешили обменять или продать их за бесценок. Большой алмаз герцога, тот, что он носил на шее, которому не было равного в христианском мире и, может быть, во всём свете, и который некогда украшал корону великого могола, был найден на дороге, где какой-то слуга герцога, без сомнения, обронил его во время бегства. Он был заключён в маленькую шкатулку, украшенную мелким жемчугом. Человек, поднявший его, оставил шкатулку, а алмаз выбросил как кусок стекла; однако затем передумал, пошёл искать его, нашёл под телегой и продал за один экю кюре из Монтаньи. Эти великолепные завесы из шёлка и бархата, вышитые жемчугом; эти шнуры, сплетённые из золота, которые натягивали и прикрепляли павильон герцога; эти золотые и камчатные ткани; эти фламандские кружева; эти аррасские ковры, найденные в невероятном изобилии запертыми в сундуках, были разрезаны и розданы локтями, как обычное полотно в деревенской лавке.

Его палатка была окружена четырьмястами другими, где размещались все сеньоры его двора и слуги его дома. Снаружи блистал герб его оружия, украшенный жемчугом и драгоценными камнями; внутри всё было затянуто красным бархатом, вышитым золотыми листьями и жемчугом; окна, витражи которых были вставлены в золотые прутья, были там устроены. Там нашли кресло, в котором он принимал послов и давал торжественные аудиенции; оно было из массивного золота. Его доспехи, мечи, кинжалы, копья с рукоятями из слоновой кости были удивительно обработаны, и рукояти сверкали рубинами, сапфирами, изумрудами. Его печать, весившая два марка золота, его таблички, переплетённые бархатом, содержавшие портрет герцога Филиппа и его собственный, его ожерелье Золотого Руна, где искры ружей были изображены рубинами; наконец, бесконечное множество мебели и драгоценных украшений также были разграблены или разделены.

Палатка, служившая часовней, содержала почти столько же богатств. Именно там находились те раки и реликвии, которые два года назад вызывали восхищение Германии; двенадцать апостолов из серебра, рака Святого Андрея из хрусталя, богатые чётки доброго герцога Филиппа, часослов, покрытый драгоценными камнями, дарохранительница, также удивительной роскоши.

История трёх больших алмазов, взятых при Грансоне, заслуживает того, чтобы быть рассказанной, и та слава, которой они пользовались, то тщеславие, связанное с их обладанием, засвидетельствуют, каково было великолепие этих бургундских государей, чьи останки были распределены между королями, которые завидовали им и оспаривали их за золото.

Прекраснейший, тот, что был подобран под телегой, был перепродан кюре из Монтаньи одному бернцу за три экю; позднее другой бернец по имени Бартелеми Май, богатый купец, торговавший с Италией, предложил Гийому де Дисбаху подарок в четыреста дукатов в знак признательности за то, что тот помог ему купить этот алмаз за пять тысяч дукатов. В 1482 году генуэзцы купили его за семь тысяч дукатов и перепродали вдвое дороже Людовику Сфорце Моро, герцогу Миланскому. После падения дома Сфорца алмаз перешёл во владение папы Юлия II за двадцать тысяч дукатов. Он украшает тиару папы: его величина равна половине грецкого ореха.

Другой, почти столь же прекрасный, был куплен богатым и знаменитым купцом по имени Якоб Фуггер, который долго его хранил. Сулейман-паша и император Карл V торговались о нём; но Фуггер считал делом чести, чтобы он не вышел из христианского мира, а император уже был должен Фуггеру много денег, так что тот не позаботился продать ему свой алмаз. Наконец Генрих VIII, король Англии, купил его; его дочь Мария увезла его в Испанию, и он вернулся таким образом к правнуку Карла, герцога Бургундского. Он ещё принадлежит Австрийскому дому.

Третий гораздо меньше; он был продан в Люцерне в 1492 году за пять тысяч дукатов и оттуда перешёл в Португалию. Пока испанцы владели этим королевством, дон Антониу, приор Крато, последний потомок ветви дома Браганса, потерявшей трон, приехал в Париж и там умер. Алмаз был тогда куплен Николя де Арле, сеньором де Санси; он сохранил его имя и затем долгое время был частью алмазов французской короны.

Были ещё и другие знаменитые драгоценные камни у герцога Бургундского, которые были взяты при Грансоне; но след их потерян; три рубина, которые называли «три брата», два других, которые называли «корзина» и «мяч Фландрии». Его шляпа итальянского фасона из жёлтого бархата была окружена короной из драгоценных камней, почти все восхитительные. Именно эту шляпу один из победителей надел на свою голову в шутку, а затем отбросил, сказав, что предпочёл бы получить в свою долю хорошую боевую сбрую [10]. Якоб Фуггер купил её и через несколько лет перепродал большую часть драгоценных камней эрцгерцогу Максимилиану, мужу мадемуазель де Бургонь, который был бы естественным наследником всех этих богатств.

Помимо этих предметов роскоши и всего этого королевского великолепия, лагерь при Грансоне содержал добычу, цену которой швейцарцы знали лучше. Они нашли там четыреста орудий, бомбард или кулеврин, как для осад, так и для битв; восемьсот крючковых аркебуз, как называли ручное огнестрельное оружие; триста бочек пороха. Каждый город получил свою долю в этой славной и прибыльной добыче. Оза должна была ещё распределить бесконечное число копий, боевых топоров, палиц из свинца или железа, луков, арбалетов, стрел, изготовленных в Англии, некоторые из которых были отравлены, уздечек для лошадей. Наконец, герцог привёл с собой достаточно, чтобы вооружить почти столько же людей, сколько было в его лагере.

Ещё одним славным трофеем были все знамёна, штандарты и вымпелы стольких принцев и сеньоров, которые отправились украшать церкви всех городов конфедератов. Казна герцога также была взята и верно распределена между каждым из союзников: она была так богата, что раздел производился без счёта и взвешивания, а меряя полными шляпами.

Изобилие запасов провизии было не меньшим: зерно, вино, солёное мясо, бочки сельди, соль, пряности всех видов нагружали бесконечную вереницу телег; не говоря о том, что было найдено в лавках и складах, которые купцы устроили вокруг лагеря.

Раздел этой огромной добычи длился несколько дней. В самый вечер битвы, прежде чем каждый отправился искать ночлег, Никола де Шарнахталь, который среди начальников имел главную долю славы в этот день и был самым старым рыцарем, посвятил в рыцари начальников

различных отрядов союзников и тех бернцев, кто проявил себя наиболее доблестно: Муллинена, Бонштеттена, Дисбаха.

Приближаясь к стенам города Грансон, союзники увидели деревья, ещё обременённые трупами гарнизона, столь жестоко преданного три дня назад. Люди из Берна и Фрибура узнавали среди этих несчастных своих родственников, друзей, товарищей; и это зрелище зажигало в них яростное желание мести. В замке Грансона ещё находился гарнизон бургундцев. Туда тотчас бросились; у него не было никаких средств к защите, и он сдался без условий. Не приходилось надеяться на пощаду; часть была сброшена с высоты башни замка; других привели к деревьям, где висели тела швейцарцев, и в беспощадной расправе они отправились заменить их, удавленные теми же верёвками; некоторых также бросили в озеро. Не без труда начальники сохранили одного, чтобы обменять на Брандольфа де Штейна. Тем не менее молодость, красота и слёзы некоторых дворян затем смягчили нескольких победителей, которые взяли их под свою защиту.

Гарнизону Во-Маркуса повезло больше. Сеньор де Розимбо, отброшенный с высот в начале битвы, вернулся в крепость. Когда наступила ночь, видя себя окружённым немногими неприятелями, он сказал своим лучникам [11]: «Вы знаете о несчастье нашей армии и об опасности, в которой мы находимся. Я полагаю, что, раз ночь темна и наши враги, кажется, спят, нам нужно выйти всем вместе с мечом в руке и пройти насквозь; речь идёт о спасении нашей жизни». Его совет был признан хорошим, они открыли ворота, прошли через посты швейцарцев, перешли горы и добрались до Салина в Франш-Конте.

Король всё устроил, чтобы быстро получать новости, а от страны, где произошла битва, было недалеко до Лиона, где он находился уже несколько дней. Его радость была велика; он не ожидал, что фортуна послужит ему так хорошо и так быстро.

Он поспешил этим воспользоваться. Посольство, которое он отправил к королю Рене, не имело большого успеха у этого государя; король уже считал необходимым перебросить войска в сторону Прованса. Теперь ему больше не нужно было соблюдать осторожность: герцог Бургундский был не в состоянии гневаться на то, что могли сделать против его союзников; слишком счастлив, если сможет их сохранить [12]. Битва при Грансоне произошла 2 марта, уже 4-го король написал в Парламент и дал ему поручение начать дело против Рене Анжуйского, короля Сицилии. Несмотря на всё, что он узнавал каждый день, он писал, что ему будет жаль найти короля, своего дядю, столь виновным, как о том говорили; он всегда его любил и желал бы продолжать. Однако интересы королевства должны были возобладать над его дружбой. Поэтому он хотел и приказывал, чтобы его Парламент разумно рассмотрел, что следует делать для безопасности общего дела, и прислал ему своё решение, подписанное секретарём.

Отправив эти письма, король задумал совершить своё паломничество. 7 марта он отправился ночевать в маленькую гостиницу в трёх с половиной льё от Пюи. Три депутата от капитула приехали туда к нему навстречу [13]; сеньор де Лафайет, дворянин из этой местности и зять сеньора де Полиньяка, который был весьма могущественным сеньором в этих горах, исполнял обязанности камергера; и представил каноников. После почтительной речи они предложили королю ключи от своего монастыря и от чудотворной скальной часовни. Они преклонили колени, чтобы говорить с ним. «Встаньте, — сказал он им ласково, — и если у вас есть какая-нибудь просьба, изложите её в форме прошения и передайте мне. Я всегда сделаю всё, что будет в моих силах, для чести и почитания моей высокочтимой Госпожи Святой Девы, вашей покровительницы и моей». Говоря эти слова, он склонился, преклонив колено. «Что до ваших ключей, вы всегда хорошо их хранили, храните их и дальше: я доверяю вам, ибо вы всегда были верны нашей короне. Возвращайтесь в вашу церковь, куда я направляюсь. Не выходите ко мне навстречу процессией; я прихожу к вам не за комплиментами и почестями, но, как смиренный паломник, просить благословения. Ждите меня только у дверей собора и при моём прибытии пойте Salve Regina». Тогда он пустился в путь и, что бы ему ни говорили,

захотел пройти пешком оставшиеся три с половиной льё до Пюи. Прибыв к дверям церкви, он облачился в стихарь и мантию каноника и попросил разрешения идти босиком до алтаря, как он дал обет. Он был очень утомлён; в первый день он совершил лишь краткую молитву и положил триста экю на алтарь. Он выслушал три мессы в каждый из трёх дней, проведённых в Пюи, каждый раз давая тридцать экю. Он вспомнил, что во времена бедствий своей юности капитул одолжил ему шестьсот экю, и вернул их. Ни одна церковь, ни одна часовня, ни одно основание, ни одна больница, ни один бедняк города не были забыты в его щедротах. Он подтвердил и увеличил привилегии капитула. Наконец, в день своего отъезда он подарил собору хрустальный сосуд, окружённый драгоценными камнями, для хранения Святого Даров. Один из каноников, предложив ему для королевы небольшую фигурку Богоматери из золота, он несколько раз весьма набожно поцеловал её, тотчас приказал пришить её к своей шляпе, где уже были другие святые изображения, говоря, что эта будет для него, а для королевы нужно будет прислать другую. Затем он обещал приехать совершить целую новену. Капитул остался весьма назидательно настроен и повторял, что, что бы ни говорили о лицемерии короля, его благочестие было истинным.

Вернувшись в Лион, он вскоре получил ответ Парламента. Мнение суда было таково, что можно по справедливости начать дело против короля Сицилии путём взятия под стражу; но, принимая во внимание родство означенного принца с королём, его преклонный возраст и другие соображения, которые побудили короля не желать, чтобы действовали путём взятия под стражу, надлежит вызвать его явиться лично перед королём или перед тем или теми, кто будет им назначен, при достаточно укомплектованном суде; всё это под угрозой изгнания из королевства и конфискации личности и имущества.

До этого дело не дошло. Уже перед битвой при Грансоне король Рене поручил своему племяннику, герцогу Калабрийскому, приехать к королю, чтобы умолять его не доходить до таких крайностей [14]. Он писал ему, что берёт в свидетели Бога и людей, с какой верой и благожелательностью он всегда к нему относился, и говорил, что важно не давать соблазна процесса против принца его крови, его дяди, который, мирный в своей старости, просит лишь спокойно провести остаток своих дней.

До поражения герцога Бургундского король не придавал большого значения этим протестам короля Рене [15]; но тотчас после всё изменилось. Гуго д'Орб, брат сеньора де Шато-Гиона, и все те, кто вербовал в Пьемонте, спаслись с большим трудом; монсеньор Филипп, граф де Бресс, который был за короля, захотел их задержать, завладел деньгами и остановил посланников, которых к ним отправляли из Прованса. Герцогиня Савойская поспешила сообщить королю Рене новости о битве и о том, как всё, казалось, было потеряно. Тогда он или его советники, ибо он уже почти не занимался делами, решили полностью отказаться от союза с Бургундией. 7 апреля король Рене, по соглашению с послами короля, принёс в полном и торжественном совете в городской ратуше Экс-ан-Прованса клятву на кресте Святого Лауда не иметь никаких сношений, союза или конфедерации с герцогом Бургундским или его сторонниками.

Вскоре после, чтобы окончательно урегулировать все спорные вопросы, король Рене согласился приехать в Лион к королю. Его сопровождали главные советники и кардинал Джулиано делла Ровере, который впоследствии стал папой под именем Юлия II. Он приехал также вести переговоры с королём, который, будучи недоволен Святым Престолом, хотел на тот момент восстановить прагматическую санкцию и побуждал Парламент её поддерживать.

Король принял со всякого рода почестями и нежностью своего старого дядю короля Рене. Когда он захотел немного поговорить с ним о прошлом, Жан де Косса, сенешаль Прованса, дворянин, прибывший из Неаполитанского королевства с домом Анжу, ответил ему совершенно откровенно: «Сир, не удивляйтесь, что король, мой господин, ваш дядя, предложил герцогу Бургундскому сделать его своим наследником; его к этому побудили его слуги, и особенно я.

Поскольку вы, сын его сестры, его родной племянник, причинили ему величайшие обиды; вы захватили его замки Анже и Бар и дурно обошлись с ним во всех этих других делах. Мы захотели выдвинуть эту сделку с означенным герцогом, чтобы вы узнали о ней, чтобы тем самым возбудить в вас желание обращаться с нами по справедливости и напомнить вам, что мой господин — ваш дядя. Но мы никогда не имели намерения довести эту сделку до конца».

Эта речь понравилась королю, и он оказал большой приём Жану де Косса. Но среди слуг короля Рене он нашёл человека, который понравился ему ещё больше, — это был Паламед, сеньор де Форбен, который был весьма в милости у своего господина и на которого с этой встречи в Лионе легли дела Прованса. Король отныне оказывал ему полное доверие [16]. По его советам, перестав требовать, чтобы король Рене сделал его своим наследником, он согласился оставить в силе завещание в пользу герцога Калабрийского и удовольствовался обещанием, что в случае, если этот принц умрёт бездетным, что уже тогда было вероятно, Прованс и другие владения дома Анжу вернутся к короне. На данный момент король Рене согласился лишь на то, что король предложит, кого сочтёт нужным, для охраны замка Анже, заранее подписал незаполненное назначение губернатора и подтвердил назначение эшевенов, выбранных королём. Он получил таким образом снятие ареста с Анжу и герцогства Бар.

Король также постарался узнать от сеньора де Форбена, которого только что сделал одним из своих больших друзей, все подробности тайных происков и проектов, задуманных против него между принцами и сеньорами. У него были большие подозрения, даже насчёт графа де Даммартена. Он ничего не извлёк из мессира Паламеда [17], который служил ему верно тогда и в будущем, но не предал тех, чьи секреты мог прежде знать. Этот дворянин в этих обстоятельствах и во всех других хорошо показал характер, который народная поговорка приписывала его семье. Ибо в Провансе каждый из главных домов имел своё прозвище или обозначение, и говорили «ум Форбенов», как «постоянство Вентимильев» или «распущенность Кастелланов».

Всё время, пока длились эти переговоры, король не переставал угощать своего дядю наилучшим образом и возвращать его дружбу. Зная всё, что могло ему понравиться, он каждый день устраивал для него праздники и старался его развлечь. Он водил его на ярмарки, рынки и в лавки города Лиона; он предлагал ему в подарок украшения, драгоценные камни, картины, античные медали, книги: всё то, чем Рене был весьма любопытен. Он также отсчитал ему крупные суммы денег. Он также не забывал о склонности, которую старый принц всегда имел к галантности, и водил его смотреть на прекрасных дам и девиц Лиона.

Король, будучи моложе своего дяди, уже был далёк от юности, ибо ему тогда было пятьдесят три года; он никогда не заботился о том, чтобы нравиться дамам; однако у него всегда был вкус к женщинам, хотя, правда, без большого выбора. Во время своего пребывания в Лионе он весьма оценил двух горожанок этого города, одна из которых была вдовой и которую называли ла Жигонь; другая — женой купца по имени Антуан Бурсье, прозванной ла Пасс-Филон [18]. Они ему так понравились, что он поместил их под охрану жены мэтра Филиппа ле Бега, советника Счётной палаты, привёз их в Париж и дал им большие блага.

День при Грансоне вернул королю и других союзников, которых он потерял и которые вернулись к нему, когда фортуна покинула герцога Бургундского. Одним из самых ревностных был Галеаццо, герцог Миланский. Он всё более продвигался в дружбе с герцогом; узнав о его поражении, он выказал чрезвычайную радость и поспешил отправить не торжественное посольство, а одного миланского горожанина, чтобы узнать, как будет расположен король. У этого человека было письмо к г-ну д'Аржантону, который тогда был главным уполномоченным по секретным делам. Герцог Миланский объявлял, что только из страха он заключил союз с герцогом Бургундским и из-за проектов, которые этот принц строил против Италии; он добавлял, что, если король, как ходили слухи, хочет заключить мир и вступить в союз с герцогом Бургундским, он совершит большую ошибку и ему гораздо лучше сделать иначе. Весь его страх, в

самом деле, был в том, что король, чтобы отомстить, не выдаст его герцогу Бургундскому; он предлагал сто тысяч дукатов за то, чтобы король заключил с ним договор.

«Король велел позвать этого посланца: „Вот, господин д'Аржантон“, — сказал он, — тот, кто изложил мне ваше поручение. Скажите вашему господину, что я не хочу его денег и что я собираю в год в три или четыре раза больше, чем он. Что до мира или войны, я поступлю по своей воле. Но если он раскаивается в том, что оставил мой союз ради союза с герцогом Бургундским, я согласен вернуться к тому, как мы были». Депутат весьма смиренно поблагодарил короля; в тот же вечер договор о союзе был оглашён и обнародован в Лионе.

Герцогиня Савойская не перешла столь полностью на сторону короля: она отправила ему тайное послание, чтобы извиниться за то, что вступила в союз с его противником, и засвидетельствовать желание примириться. Но, всегда похожая на своего брата, она хотела сохранить себе возможность для любого исхода, выиграть время и посмотреть, не оправится ли герцог Бургундский от полученного удара. Король не делал вид, что знает её тайное намерение, и передавал ей слова ещё более любезные, чем обычно. Он довольно любил эту сестру; она ему нравилась, потому что была мудра и ловка, хотя в тот момент это было для него причиной затруднения. Впрочем, он тоже хотел подождать: день при Грансоне оставил его весьма довольным; но ему было досадно, что бургундцы потеряли там так мало людей. За исключением момента, когда сеньор де Шато-Гион и другие доблестные рыцари дали себя убить в отчаянии, это было скорее бегство, чем битва, и погибло не более тысячи человек.

Это было причиной, по которой герцог не отказался от своих планов; месть делала его даже более пылким и упорным. Убегая из Грансона, он отдохнул лишь несколько мгновений в Жуне: замок был сожжён; едва ли он нашёл там комнату для ночлега; у него было мало людей вокруг, и он был ещё довольно близко к швейцарцам. Так он продолжил свой путь и остановился только через восемь льё, по другую сторону гор, в Нозеруа, городе, принадлежавшем принцу Оранскому.

Он был в ужасном горе; никто не осмеливался с ним говорить или к нему подходить. Принц Тарентский первым обратился к нему со словами утешения. Его мысль была направлена лишь на то, чтобы возобновить войну и собрать более сильную армию; однако рассудок его был помрачён, и он с большим трудом боролся с пожиравшим его горем. Он всё же понял, что ему нужно щадить короля Франции, и отправил в Лион сеньора де Конте, поручив ему самые любезные и смиренные слова, которые, конечно, должны были ему дорого стоить. Возможно, это были первые слова такого рода, которые он адресовал королю; но необходимость говорила слишком громко, чтобы её не услышали. Он просил короля честно соблюдать перемирие, извиняясь за то, что ещё не ответил на предложение, сделанное ему, о встрече близ Осера, и обещая вскоре туда прибыть, если такова будет добрая воля короля.

Король оказал добрый и учтивый приём сеньору де Конте, обещал то, что просил герцог, ни в чём не воспользовался его несчастьем и хорошо скрыл радость, которую от него испытал. Его слуги и народ не столь сдерживались; сеньор де Конте видел костры радости, зажигаемые в городах и деревнях; он слышал насмешки и песни, ходившие в честь швейцарцев и в посрамление его господина.

Проведя четыре дня в Нозеруа, герцог перешёл обратно через горы и прибыл в Орб, где начали собираться остатки его армии и беглецы, рассеявшиеся повсюду. Через пять дней он прибыл и расположился лагерем перед Лозанной и продолжал рассылать приказы повсюду, чтобы вернуть дезертиров и собрать новые войска.

Его силы не могли выдержать столько душевных мук и телесных усталостей; он заболел [19]. Отчаяние и уныние овладели им; рассудок его почти помутился. Он не хотел никому показываться и даже перестал бриться. Он, который никогда не пил вина и имел обыкновение, чтобы успокоиться и освежиться, есть розовое варенье, теперь, чтобы преодолеть свою боль и выйти из охватившего его уныния, пил чистое вино в изобилии. Но печальный и меланхо-

личный, как он был, без друзей, чтобы пожалеть его, выслушать и поднять ему дух; без сотрапезников, чья близость могла бы хоть на мгновение рассеять его заботы; этот образ жизни и это мрачное и одинокое опьянение могли лишь усугубить его горе и болезнь. Один итальянский врач, который у него был и которого звали Анджело Като, человек искусный и большого ума, которого король вскоре после привлёк к себе на службу и который стал архиепископом Вьенна, позаботился о герцоге, постарался вернуть ему мужество и вылечить его. Он применил к нему банки, чтобы вернуть кровь к сердцу, как тогда говорили [20], убедил его позволить себя побрить и наконец вернул ему, если не спокойствие духа, то по крайней мере здоровье. Герцогиня Савойская приехала повидать его в Лозанне, чтобы немного его утешить. Уже после разгрома при Грансоне она отправила ему шёлковые ткани и всё необходимое для одежды. Она постаралась внушить ему добрую надежду и обещала ему свою помощь.

Наконец, через пятнадцать дней он вернулся к своей обычной жизни [21]. Уже 6 апреля он принял посла императора, а на следующей неделе отпраздновал с обычными церемониями торжества пасхального времени; в Великий четверг публично омыл ноги тринадцати беднякам.

С тех пор он вновь обрёл всю свою деятельность и с удивительным рвением занялся воссозданием своей армии. Он велел собирать людей в своих государствах; он снова вербовал в Италии; колокола церквей Франш-Конте ослужили ему для отливки пушек. Никогда он не был столь страшен в своих желаниях; никогда он не приказывал своим слугам более сурово; он всегда под угрозой смерти повелевал им исполнять его приказы, какими бы трудными они ни были [22].

«Мы вам сообщаем и приказываем, строжайше предписываем, — писал он перед своей болезнью сеньору дю Фэ, своему лейтенанту в Люксембурге, — чтобы немедленно и без задержки всех тех из наших ордонансовых людей, как рыцарей, лучников, арбалетчиков, так и пеших детей или других воинов, которые недавно были с нами в поле, кого вы найдёте, вы брали и захватывали телесно, где бы вы их ни смогли найти, и чтобы быстро, не ожидая иного приказа или повеления от нас, вы подвергли их последней казни, никого не щадя и не оказывая никакой милости и снисхождения. Что до лучников, арбалетчиков, пикинёров и кулевринщиков, которые вновь поступают к нам на службу и находятся теперь в поле, им приказано и повелено от нас под той же угрозой идти со всяческим усердием к нам, не делая никакой остановки в пути; и если они допустят какую-либо задержку, наша воля такова, чтобы вы поступили с ними согласно вышеизложенной форме, не допуская никакого упущения. Дано в нашем лагере перед Лозанной, 12 марта».

Вскоре он начал иметь новую армию, почти столь же многочисленную, как первая. Помимо того, что он собрал, к нему прибыло пять тысяч человек из Гента и Фландрии, шесть тысяч из Льежа и Люксембурга, четыре тысячи из Болоньи и папских государств, который был к нему весьма благосклонен. Он также набрал отряд англичан, который давно был у него на службе: их было около трёх тысяч, и это были лучшие солдаты его армии.

Однако люди Берна и Фрибура, которые видели, как такие приготовления делаются у них на глазах, которые знали, какой яростью был движим герцог Бургундский, ничего не забывали для обороны. В Берне каждой семье, в которой были отец и сын или два брата, способных носить оружие, было приказано отправить одного из двоих в Морат, чтобы составить гарнизон этого города, который рассматривался как оплот Берна. Всем жителям подвластных общине земель было приказано собраться через месяц со своим оружием, артиллерией и припасами. Старый авуайе Адриан де Бубенберг, этот глава бургундской партии, покинул деревню, куда удалился, чтобы прийти на помощь своему городу, и к нему питали такое уважение и доверие, что тотчас избрали капитаном Мората. Вся община присягнула идти служить под его началом. Авуайе и советники обещали не давать ни ему, ни его гарнизону ни в чём нуждаться. Полторы тысячи человек из Берна отправились туда. Гийом д'Аффри был послан туда из Фрибура с восемьюдесятью людьми. Сам город Фрибур был занят сильным гарнизоном, который совер-

шал непрерывные набеги на окрестную страну. В то же время валлийцы нападали на своём пути на ломбардцев, которые переходили Сен-Бернар, чтобы прийти в армию герцога; и прямо у него на виду, в четырёх льё от Лозанны, Никола Цур-Кинден, бернский бейлиф Симменталя, пришёл разграбить и сжечь город Веве, который способствовал отступлению этих итальянцев.

Кроме того, швейцарцы могли рассчитывать на своих союзников в Германии ещё больше, чем прежде. Победа при Грансоне, одержанная сообща, была новым поводом для надежды и мужества. Эрцгерцог Сигизмунд, города Страсбург, Базель, Шаффхаузен, вся земля Эльзаса были настроены лучше, чем когда-либо, в пользу швейцарцев. Война и набеги на границах Франш-Конте продолжались даже со стороны Монбельяра. Усилия, которые предпринимал император, чтобы замедлить это рвение, ничего не могли изменить. Впрочем, его посредничество даже не было принято герцогом Бургундским, который мечтал только о мести и завоевании.

Что до короля Франции, он, напротив, всячески подбадривал всех союзников швейцарцев и сам выказывал им больше дружбы, чем когда-либо; он осыпал их послов подарками, отправлял их из Лиона, куда они приезжали его повидать, одетыми в прекрасные шёлковые ткани и с полным кошелём [23], стараясь таким образом успокоить их недовольство тем, что он не объявлял себя на их стороне.

Он находил, в самом деле, что всё идёт достаточно хорошо для него, без всякого риска; король Рене был как бы в его власти; герцог Миланский возобновил свои прежние союзы; герцогиня Савойская его щадила; герцог Немурский, взятый в плен в своём замке Карла, был к нему приведён и заключён в Пьер-Сиз. Со стороны короля Англии он был полностью спокоен.

Герцог Бретонский также после битвы при Грансоне отправил посольство к королю, чтобы просить его скрепить их последний договор новыми клятвами. Несмотря на свою дружбу с герцогом Бургундским, этот принц уже не мог возлагать на него большие надежды. Он видел его вовлечённым в войны, весьма далёкие от него. Впрочем, граф де Кампо-Бассо тотчас после несчастья своего господина, сославшись на обет, попросил разрешения отправиться в Сантьяго-де-Компостела и явился к герцогу Бретонскому. Они были родственниками, ибо этот граф происходил из ветви дома Монфор, обосновавшейся в Неаполе с первым домом Анжу. По пути, пересекая королевство, и ещё более в Бретани, он громко говорил о герцоге Бургундском как о человеке, разорённом и без всяких средств, полном жестокости и безумного упрямства, который будет только терять деньги, время, людей и страну, и чьё предприятие никогда не увенчается успехом.

Несмотря на это благоприятное положение, король хотел сохранить перемирие с герцогом Бургундским и, главное, не давать ему предлога обрушиться на королевство, оставив эту швейцарскую войну, в которую он был так глубоко вовлечён. Тот уже вновь принял свой надменный и угрожающий тон, и с тех пор как увидел себя с прекрасной и сильной армией, больше не соблюдал осторожности. Поскольку ссора короля со Святым Престолом о свободах галликанской церкви продолжалась и становилась всё более острой из-за вспыльчивого характера кардинала делла Ровере, легата в Авиньоне, король приказал задержать этого кардинала, приехавшего к нему в Лион, и дал приказ адмиралу войти с оружием в Конта-Венессен. Как только герцог Карл узнал об этом, он отправил из своего лагеря перед Лозанной послов к королю и велел передать ему, что, если он пойдёт дальше, если посягнёт на достояние Церкви и не освободит легата полностью, перемирия будут нарушены, что бы за этим ни последовало. Он объявлял в то же время, что отдал приказ капитану Макона ввести двести копий на земли королевства и что, если понадобится, он вскоре прибудет со всей своей армией [24].

Этого было достаточно, чтобы король отказался от своего предприятия; он начал обращаться с легатом с большими любезностями и улаживать с ним все дела, которые имел со Святым Престолом.

В то же время король дал ещё одно доказательство своего желания не оскорблять герцога Бургундского. С тех пор как Лотарингия была завоёвана, герцог Рене непрестанно просил помощи, чтобы вернуться туда [25]. Это был молодой и доблестный принц; поскольку от всех его государств остался лишь один город Сарбур, у него больше не было ни доходов, ни денег; его подданные присягнули герцогу Бургундскому, и даже довольно охотно; даже его слуги его покинули; так что он был в тягость королю; тем более назойлив, что герцог Рене мог упрекнуть его в том, что он вовлёк его в погибель и не сдержал ни одного из своих обещаний. Наконец, устав от своего положения при этом французском дворе, где он, казалось, был предметом скуки и пренебрежения, герцог Рене попросил разрешения уехать в Германию, чтобы попытать там какое-нибудь предприятие. Король, чтобы избавиться от его назойливости, дал ему эскорт из четырёхсот копий под командованием сеньора д'Обинье. Когда в городе Лионе узнали о намерении герцога Лотарингского идти на помощь этим доблестным швейцарцам и сражаться с герцогом Бургундским, народ выказал бесконечную радость и оказал ему совсем иной приём, чем король или его слуги. Горожане приняли его цвета, красный и серо-белый, и образовали как бы род стражи во время его пребывания [26]. Правда, в Лионе было много швейцарцев и немцев, обосновавшихся там для торговли.

Он отправился в Лотарингию; страна была неспокойна; его вассалы, после того как подчинились герцогу Бургундскому, видя его в несчастье, начали подниматься. Особенно граф де Бич [27] встал во главе большого числа воинов, опустошал Люксембург и грабил обозы, шедшие на соединение с армией герцога Бургундского. Он даже изгнал несколько гарнизонов из их крепостей. Герцог Рене, который только что унаследовал от своей мачехи Марии д'Аркур сумму в двести тысяч экю и которому король дал немного денег, набрал людей, тоже захотел держать поле и отправился осаждать Водемон, который не был в состоянии защищаться. Но сеньор д'Обинье, согласно полученным приказам, тотчас велел объявить, что не только не будет атаковать бургундцев, но и намерен, чтобы они отступили в полной безопасности. Герцог Рене заперся в своём городе Сарбуре [28], и эскорт, данный ему королём, покинул его, не оказав никакой помощи.

Увеличив привилегии этих верных жителей, он отправился в Страсбург, чтобы потребовать помощи от своих добрых и доблестных союзников, конфедератов Эльзаса. Ему ответили, что в данный момент не могут её дать; что все силы города будут использованы для борьбы вместе со швейцарцами против герцога Бургундского; что важно не разделяться и решить одним ударом все распри, которые каждый мог иметь против общего врага. Люди Страсбурга и епископ посоветовали поэтому герцогу Рене присоединиться к людям, которых они спешно отправляли в сторону Берна, чтобы противостоять герцогу Бургундскому. Прибыли депутаты, чтобы поторопить эльзасские города отправить свой контингент. Они также попросили герцога Рене показать себя добрым и услужливым союзником швейцарских союзов; так что он отправился в путь с графами де Бич и де Линанжем и около трёхсот рыцарей.

Бургундский герцог после двухмесячного пребывания в Лозанне вновь оказался во главе сильной армии. Прежде чем двинуть её, он произвёл смотр; она прошла перед возвышением, где он стоял. Он был ещё бледен и, казалось, не восстановил всех своих сил. Взгляд его был жив, как прежде, но беспокоен и смущён. Речь его, всегда властная, была какой-то отрывистой и прерывистой, свидетельствовавшей скорее о гневе, чем о твёрдости. Он говорил со своими войсками, побуждал их отомстить швейцарцам, причинившим ему столько зла, обещал дать владения и сеньории главным начальникам своей армии, а солдатам — разграбление городов и деревень. «Клянусь Святым Георгием, мы отомстим», — говорил он. — «Да здравствует Бургундия!» — кричали его люди, проходя перед его глазами. Однако они были далеки от того, чтобы иметь ту же уверенность и ту же привязанность, что прежде. Воспоминание о Грансоне ещё было живо в их умах. Они больше не верили в удачу и умение своего вождя: его суровость, его жестокость, лишения, которые он заставлял их терпеть, никогда не утешая и не жалея их

[29], внушали им ненависть, которая, теперь когда победа уже не заставляла молчать и уважать, готова была разразиться. Впрочем, в этой армии, собранной наспех, было много людей, согнанных силой во Фландрии, Артуа, Пикардии, Бургундии, и они проклинали всей душой войну, на которую их вели против воли.

Герцог не был по природе человеком, которого беспокоила бы воля его солдат; ему достаточно было заставить их повиноваться, и никогда он не был столь неистов и абсолютен. Он сначала надеялся, что швейцарцы придут атаковать его в стране Во, где местность была удобнее, где жители, подданные Савойского дома, были к нему более благосклонны. Бернцы были далеки от такой мысли. Армия, победившая при Грансоне, была полностью рассеяна. Горцы вернулись в свою страну: был сезон выпаса [30], и их уже не так легко было оторвать от дома, как когда снег покрывал все Альпы. Кроме того, не видя, что бургундский герцог входит в Швейцарию, им казалось, что война стала лишь частной ссорой бернцев и савойской герцогини; они даже удивлялись, что их просят прийти защищать Морат, который вовсе не принадлежал союзам, а Савойе.

Однако в Люцерне было проведено собрание, где тщательно урегулировали все дела войны. Каждый начальник должен был иметь при себе советников для участия в собраниях и советах армии. Знаменосцам должны были помогать три человека, чтобы поднять знамя, если они будут убиты или ранены, и оно всегда должно было идти между двумя отрядами по сто человек. Бродяги и добровольцы больше не должны были терпеться в армии. Каждый, пока находился в походе, не мог ни днём, ни ночью покидать своё боевое снаряжение. Игра, клятвы, ссоры, единоборства были запрещены. Каждый человек должен был оставаться на своём месте в молчании, в начале боя обратиться с молитвой к Богу, затем не сводить глаз с того, что впереди, не давать своей руке ни мгновения отдыха, пока не прорвёт ряды неприятеля, и никогда не брать пленных. Всякий, кто бежал во время битвы, должен был быть немедленно убит своим соседом. Впрочем, запрещалось причинять какой-либо вред женщинам, детям, старикам. Не следовало никогда забывать чтить Бога, уважая церкви и почитая священников. Было запрещено сжигать или разрушать какую-либо мельницу; поджигать место, где войска, идущие сзади, могли бы ещё найти припасы; трогать добычу прежде, чем будет произведён её раздел по всей справедливости.

Это было в марте, совсем немного времени спустя после битвы при Грансоне, когда были приняты эти мудрые правила; но не было принято никакого решения о том, что делать против бургундского герцога; и в течение апреля и мая война, казалось, была делом лишь людей Берна, Фрибура и Золотурна. Теперь, когда неприятель наступал со всей своей мощью, нужно было, чтобы ему противостоять, вновь собрать конфедератов. Гонцы отправились во все стороны. Продолжали укреплять Морат и приводить его в состояние защищаться против столь многочисленной армии.

От Мората до Берна около шести льё, и река Сане разделяет это расстояние на две примерно равные части. Именно на правом берегу, со стороны Берна, швейцарцы собирали свою армию, ещё весьма немногочисленную. Чтобы иметь возможность сообщаться с гарнизоном Мората и оказывать ему помощь, бернцы укрепили также Лаупен и Гумминен — единственные места, где были мосты через Сане. В этом положении они ждали бургундцев, и каждый день к ним прибывали новые подкрепления, присланные их союзниками.

«Ну что ж, эти псы пали духом! Полагаю, мы пойдём их искать», — говорил герцог. Он покинул Лозанну 27 мая, прошёл через Моррен, Буллен, Эставайе и 10 июня прибыл лагерем в Фауг, в одном льё от Мората. Граф де Ромон с девятью тысячами воинов направился между двумя озёрами — Невшательским и Моратским, — чтобы разведать страну и окружить город, с другой стороны.

«Бургундский герцог здесь со всей своей мощью, своими итальянскими наёмниками и несколькими немцами-предателями, — писал Адриан де Бубенберг бернцам. — Господа аву-

айе, советники и горожане могут быть без страха, не спешить и успокоить умы всех наших конфедератов. Я защищу Морат». Тотчас он собрал гарнизон и жителей, заставил их присягнуть, что будут вести себя доблестно; сам же обещал, также под присягой, предать смерти первого, кто заговорит о сдаче.

Граф де Ромон продвинулся до болотистой местности между тремя озёрами — Невшательским, Моратским и Бьеннским. Увязнув в этой трудной почве, он не смог там защититься от крестьян Серлье, Ла-Нёвиля, Ландерона, которые сбежались — мужчины, женщины и дети — вооружённые вилами, вертелами, рогатинами, и заставили савойцев отступить в большой спешке. Граф де Ромон тем же путём, которым пришёл, присоединился к армии бургундского герцога.

Вскоре Морат был окружён со всех сторон, кроме стороны озера, откуда по ночам прибывали маленькие лодки. Великий бастард Бургундский держал осаду на дороге из Аванша и Эставайе. Палатка герцога, или вернее деревянное жилище, которое ему построили, была расположена near высот Куржево, на дороге из Фрибура. На севере, на дороге в Арберг, находился граф де Ромон с двенадцатью тысячами человек.

Именно он после нескольких угрожающих требований приказал начать первый приступ. Семьдесят больших бомбард только что обрушили широкий участок стены. Осаждавшие закричали, что город взят, и бросились к пролому; но швейцарцы были там же и храбро выдержали удар. Бой шёл восемь часов на стене и во рву. К ночи бургундцы отступили, потеряв семьсот человек. Их начальник артиллерии был убит выстрелом из аркебузы.

Осада не продвигалась; каждую ночь по озеру в город прибывали боеприпасы и даже подкрепления. Четыре тысячи воинов, которых сеньор д'Орли, губернатор Ниццы, вёл из Савойи, были атакованы и рассеяны гарнизоном Фрибура, прежде чем достигли лагеря под Моратом. Бесполезное предприятие было предпринято против Лаупена и Гумминена, которыми так важно было овладеть, чтобы господствовать над переправой через Сане. Как ни слабы были маленькие отряды, охранявшие эти посты, где не было даже знамени, они сумели защититься. Жители окрестностей сбежались, чтобы помочь им; один кюре сам пришёл во главе своих прихожан. Город Берн был в большом страхе, видя себя под такой близкой угрозой. Знамёна вышли; шесть тысяч человек были отправлены в Гумминен.

Тем не менее армия швейцарцев ещё не двинулась; она не была полной; но день за днём, час за часом прибывали конфедераты. Пока бургундский герцог упорствовал в осаде Мората, его враги не спеша собирали все свои силы, до момента, когда их будет достаточно, чтобы его победить. Он же удваивал усилия, чтобы взять этот город, который гарнизон из двух тысяч человек защищал против армии в двадцать раз более многочисленной. Тяжёлая артиллерия стреляла день и ночь; со всех сторон стена была пробита и разрушена. Но Адриан де Бубенберг поддерживал строгий порядок среди своих людей; они были твёрдо решимы умереть и убеждены, что от защиты Мората зависит спасение их страны: поэтому ничто их не смущало; все атаки находили каждого на своём посту; ни одного ропота не было слышно в городе; всё делалось размеренно и молчаливо, как если бы это был отряд, обученный в мирное время. Дважды бургундский герцог приказывал предпринять новые приступы; ров был заполнен, лестницы поставлены; всё было тщетно; нападавшие не могли ни на мгновение удержаться на проломе. Адриан де Бубенберг был повсюду, следил за малейшей опасностью, воодушевлял своим присутствием, своими словами, своим примером всех в своём гарнизоне и делал их столь же твёрдыми и доблестными, как он сам. Именно так в течение десяти дней старый глава бургундской партии в Берне сражался против принца, чьим сторонником и пенсионером он был, пока не счёл его врагом своего города и швейцарских союзов.

Это удивительное сопротивление дало конфедератам время прийти на помощь бернцам. «Пока у нас в жилах останется хоть капля крови, мы будем защищаться», — писал Бубенберг. Но момент оказать ему помощь наконец настал. Постепенно в Берн прибыли люди из Ури,

Унтервальдена, Энтлебуха, Туна и Оберланда, Аргау, Бьенна, коммуны и епископа Базеля. Люди из земель эрцгерцога Сигизмунда были под командованием графа Освальда де Тирштейна, как и люди из Кольмара, Шлетштадта, Ротвейля и Санкт-Галлена. Граф де Грюйер, чья могущественная сеньория находилась между Фрибуром и страной Во, также пришёл со своим отрядом. Затем прибыл контингент Страсбурга под командованием графа Луи д'Эптингена и герцог Рене Лотарингский с тремястами всадниками.

Этот принц был принят с великой радостью швейцарцами, и он всё более завоёвывал их привязанность. Он был молод, деятелен, хорошо говорил, прост в манерах и одежде, как подобало бедному и несчастному принцу; кроме того, немецкого рода, друг немцев, умевший делать и говорить всё, что нужно было, чтобы им понравиться. Отвергнутый королём, он в своей беде обратился к швейцарцам, возлагал на них всю свою надежду, честно вёл общее дело, и не было у него большего врага, чем герцог Карл, их жестокий противник.

Чтобы перейти Сане и идти искать бургундцев, ждали только людей из Цюриха. Каждое мгновение отправляли послания, чтобы ускорить их марш. Ханнс Вальдман, их соотечественник, командовавший гарнизоном Фрибура, передавал им, что нельзя терять ни мгновения; что час задержки может предать Морат врагам; что стены в развалинах; что подкоп продвигается под укреплениями; что гарнизон сократился до малого числа. «„Нам необходимо дать битву“, — говорил он, — или мы все погибнем. Бургундцев втрое больше, чем при Грансоне, но мы сумеем пройти насквозь. С помощью Божьей нас ждёт великая честь. Не замедлите прийти как можно скорее». Немедля более, армия, однако, двинулась, чтобы перейти Сане.

Наконец, 21 июня вечером, пока все жители Берна были в церквях, моля Бога о битве, которая должна была состояться, объявили, что люди Цюриха прибывают с людьми Тургау, Бадена и свободных бейливиков. Тотчас весь город был иллюминирован, перед всеми домами поставили столы: на них подавали еду и питьё. Каждый приветствовал людей Цюриха; но также их торопили не останавливаться дольше и продолжать путь, чтобы прибыть в лагерь до битвы. Они провели в Берне два часа; каждый обнимал их, умолял хорошо защищать страну, желал им доброго мужества и счастливого случая. Они отправились в десять часов вечера, распевая свои военные песни.

На следующий день, на рассвете, армия конфедератов выслушала заутреню в Гумминене; затем начальники собрались на совет, чтобы установить порядок битвы. Было решено послать небольшой отряд в сторону графа де Ромона, чтобы, соединившись с жителями страны, он помешал ему принять участие в битве, пока вся армия пойдёт атаковать герцога. Авангард был поручен Ханнсу де Халльвилю, рыцарю из древнего и знатного аргауского рода и бюргеру Берна, который приобрёл великую славу и знание всех военных дел в армиях короля Богемии и знаменитого Хуньяди, того, кто изгнал турок из Венгрии. С ним были люди Фрибура, горцы старых союзов, люди Оберланда и Энтлебуха.

Кавалерия была многочисленна: её поставили на флангах под командованием Освальда де Тирштейна и герцога Лотарингского, у которого, кроме того, было большое число пикинёров, алебардщиков и кулевринщиков.

Боевым корпусом командовал Ханнс Вальдман из Цюриха, и, чтобы показать немецким союзникам большое уважение, к нему присоединили Гийома Хертера, капитана людей Страсбурга. Там находились все знамёна под охраной тысячи доблестных людей, вооружённых пиками, алебардами и боевыми топорами.

Гаспар Хертенштейн из Люцерна возглавлял арьергард; тысяча человек была назначена для разведки марша армии. Всего у швейцарцев было около тридцати четырёх тысяч бойцов; у герцога, что бы ни говорили, было не больше, может быть даже меньше.

Цепь довольно высоких холмов, тянущаяся между Моратом и течением Сане, скрывала от бургундцев марш союзников и расположение их армии. Лес покрывал оба склона этих холмов. Именно там швейцарцы делали все приготовления к битве и располагались в установлен-

ном порядке. Прежде чем двинуться, графы де Тирштейн и д'Эптинген посвятили в рыцари Ханнса Вальдмана, начальников почти всех контингентов и наиболее знатных из конфедератов. Большинство дворян, которых в этой армии было большое число, пренебрегли тем, чтобы быть посвящёнными в рыцари в этот день, когда это достоинство расточалось столь многим бюргерам. Герцог Лотарингский не был столь горд и не побоялся вступить в братство по оружию с швейцарскими капитанами.

Наконец, когда уже собирались двинуться к неприятелю, Гийом Хертер, капитан Страсбурга, спросил, не будет ли уместно наспех соорудить некоторые укрепления — либо из обозных телег, либо из палисадов, — чтобы сломать натиск могущественной бургундской кавалерии, в случае если придётся выдержать их атаки или если по несчастью придётся отступить. Сначала никто не ответил на это предложение; швейцарцы переглядывались с удивлённым и недовольным видом; затем Феликс Келлер из Цюриха прервал это молчание. «„Если наши верные союзники“, — сказал он, — имеют добрую и искреннюю волю сражаться с нами, момент настал. По обычаю, наших отцов мы пойдём на врага и вступим в бой. Искусство фортификации никогда не было нашим делом». Об этом больше не говорили, и был отдан приказ наступать.

Ещё накануне, когда бургундский герцог узнал, что швейцарцы переходят реку, он очень обрадовался. Он даже хотел идти им навстречу; но дождь был так силён, что он отложил атаку на следующий день. Его капитаны рискнули дать ему некоторые советы, которые были выслушаны не лучше, чем при Грансоне; их мнение было снять осаду Мората и ждать неприятеля на равнине, где кавалерия могла иметь преимущество, которое она теряла на неровной и пересечённой местности.

Левый фланг его армии под командованием великого бастарда Бургундского и сеньора де Равенштейна опирался на озеро и почти касался стен Мората. Боевой корпус под командованием Гуго де Шато-Гиона и Филиппа де Кревкёра, сеньора д'Эскерда, простирался между деревнями Гренц и Куртевон. Что до герцога, он был на правом фланге со своими конными лучниками, англичанами и лучшей кавалерией армии.

Ломбардцы и итальянцы почти все были на левом фланге с великим бастардом. Накануне вечером герцог имел огорчение увидеть принца Тарентского, который до тех пор командовал ими, прощающимся с ним, чтобы отправиться к королю Франции. Этот молодой принц находился при герцоге год в надежде получить его дочь. Он в конце концов устал от стольких отсрочек и ложных обещаний. Его отец, король Неаполитанский, за это время примирился с королём. Советники, бывшие при нём, видели, что бургундский герцог давал также надежду на тот же брак либо савойской герцогине для её сына, либо императору для эрцгерцога Максимилиана. Они тайно отправили герольда в Лион, чтобы просить охранную грамоту, которую король весьма охотно даровал.

Мастер Анджело Като более, чем кто-либо другой, убедил молодого принца уехать. Это был человек, который так мудро видел вещи и так хорошо судил о людях, что считался умеющим предсказывать будущее посредством астрологии [31]. Уже он дурно предвещал о дне при Грансоне. На этот раз у него были ещё более верные признаки. Вся эта новая армия, плохо обученная и состоящая из недовольных людей или наёмных чужеземцев; капитаны, обеспокоенные будущим, которым не терпелось покинуть службу, всегда рискованную и теперь столь мало favoured фортуной; слуги, уставшие от столь сурового господина, который в несчастье выказывал им ещё меньше доверия и привязанности, чем в благополучии; наконец, сам этот вождь, уже, по правде говоря, не обладавший полнотой разума, более чем когда-либо неспособный ни на какой совет, потерявший своё воинское умение, больной и беспрестанно переходящий от гнева к своего рода оцепенению [32]: всего этого было достаточно, чтобы умелый человек предсказал поражение в битве. Мастер Анджело Като уверил в этом принца Фридриха и написал также в Неаполь. Уже король Фердинанд приказал своему сыну покинуть бургунд-

ского герцога. После того как он доблестно сражался с ним при Грансоне, он простился с ним накануне дня при Морате.

Герцог двинулся вперёд со значительным авангардом. Швейцарцы шли со своей стороны и теперь стояли на другом склоне холмов, всё ещё укрытые лесом. Дождь продолжал abundantly падать; небо было покрыто тучами. Через несколько часов, видя, что их враги сохраняют ту же позицию и, казалось, не принимают боя, бургундцы, промокшие от дождя, начали отходить к своему лагерю. Порох в телегах отсырел; тетивы луков были влажными и без упругости; люди были изнурены этим долгим и тяжёлым ожиданием.

«Тогда Ханнс де Халльвиль дал сигнал своему авангарду: „Храбрые люди“, — говорил он им, — конфедераты и союзники, вот перед вами те, кого вы разбили при Грансоне. Они снова пришли искать вашей мести. Их множество велико; но вы их не боитесь. Вспомните о прекрасных битвах, которые выиграли наши отцы. Сто тридцать семь лет назад, в такой же день, в этих самых местах, при Лаупене, они одержали великую победу. Вы доблестны, как они, и Бог будет также с вами. Чтобы Он даровал нам эту милость, на колени, друзья мои, и сотворим нашу молитву!»

Все опустились на колени и сложили руки. Тогда внезапно увидели, как тучи рассеялись, небо прояснилось и солнце показалось во всём блеске. Халльвиль выхватил меч и крикнул: «Храбрые люди, Бог посылает нам свет Своего солнца. Идём! Подумайте о ваших жёнах и детях; а вы, юноши, хотели бы вы позволить итальянцам увести ваших возлюбленных?»

Ему оставалось лишь умерять их пыл, чтобы идти в хорошем порядке. Они наступали, крича: «Грансон, Грансон!» Навстречу им стая их горных собак встретила других собак из вражеского лагеря и обратила их в бегство. Это было предметом забавы и добрым предзнаменованием.

Лагерь бургундцев был сильно укреплён рвом и живой изгородью. Швейцарцы предприняли две атаки. Халльвиль и авангард слева, Вальдман и боевой корпус правее. Но укрепление защищалось мощной артиллерией. Она производила большие опустошения и уносила целые ряды. Лотарингская кавалерия двинулась вперёд, и не один воин был сражён. Под герцогом Рене была убита лошадь. Бургундские всадники бросились на его отряд и подвергли бы его опасности, если бы Халльвиль не поддержал его. Однако, поскольку лучшие канониры бургундской армии были убиты при осаде Мората, бомбарды и большие кулеврины часто были наведены слишком высоко и стреляли в деревья.

Герцог совершенно не знал, сколь многочисленны швейцарцы, и считал их силы гораздо меньшими, чем они были. Видя сначала, что они не принимают боя, который им предлагали, он утвердился в мысли об их слабости. Так что, когда мгновение спустя после того, как он вернулся в свой лагерь, ему объявили, что их армия двинулась, он не захотел этому верить; и так как дворянин, сообщивший ему это, уверял, что видел это своими глазами, он обратился к нему с суровыми и оскорбительными словами [33].

Вскоре он уже не мог в этом сомневаться и бросился к месту атаки. Она длилась уже довольно долго; приступы швейцарцев отбивались один за другим; уже у герцога была добрая надежда на победу, когда он услышал справа от себя громкие крики и необычайный шум. Это Халльвиль со своим авангардом прошёл вдоль укрепления, обошёл его и входил в лагерь. Вскоре беспорядок стал полным; ров и изгородь были прорваны со всех сторон; артиллерия попала в руки швейцарцев, которые тотчас повернули её против бургундцев. На этом месте бой был ожесточённым и кровавым; конные лучники гвардии, все люди двора и англичане показали удивительное мужество; но графы д'Эптинген, де Тирштейн, де Грюйер и герцог Лотарингский, более пылкий от ненависти и мести, чем кто-либо другой, против герцога Карла, прибыли со своей кавалерией и доблестно выдержали натиск самых доблестных воинов бургундской армии. Наконец герцог Сомерсет [34], капитан англичан, граф де Марль, старший сын коннетабля де Сен-Поля [35], сеньоры де Гримберг, де Розимбо, де Майи, де Монтегю,

де Бурнонвиль и многие другие были сражены. Жак дю Мес, несший знамя герцога, был убит, защищая его, и упал, сжимая его в объятиях.

Правый фланг бургундцев был полностью сломлен. В тот же момент Адриан де Бубенберг вышел с гарнизоном Мората и яростно атаковал левый фланг и весь отряд великого бастарда. Вскоре арьергард швейцарцев, которым командовал Хертенштейн, продолжив движение, которое только что совершила армия, всё наступая и развёртываясь налево, полностью обошёл позиции бургундского лагеря и показался за их боевым корпусом.

Тем временем граф де Ромон, стоявший лагерем по другую сторону города и обеспокоенный ложной атакой, не мог оказать никакой помощи. Ещё был некоторый бой на левом фланге. Но когда увидели, что пало знамя великого бастарда, которое схватил один человек из Хасгли, больше не осталось надежды; вся армия была в беспорядке и рассеяна; сам герцог, не видя больше никаких средств и в мрачном отчаянии, думал лишь о быстром бегстве. Нужно было спешить, ибо при том, как произошла битва, швейцарцы были хозяевами дорог на Лозанну и в страну Во*; отступление было отрезано; также герцог, у которого ещё было три тысячи всадников, вскоре увидел их рассеянными, и лишь с большим трудом, сопровождаемый только двенадцатью своими слугами, добрался до Моржа после двенадцати льё пути; вновь потеряв свою армию. Три с половиной месяца прошло со дня при Грансоне.

* «Страна Во» (фр. Pays de Vaud, нем. Waadt) — это историческая область на юго-западе Швейцарии, которая сегодня является кантоном Во (Vaud) со столицей в Лозанне

После его бегства поле битвы стало лишь местом резни; швейцарцы проходили по этому широкому пространству, не встречая никакого сопротивления, убивая всё, что попадалось им навстречу, беспощадно отказывая в пощаде и крича тем, кто умолял о милосердии: «Брие, Грансон». На этот раз не было недостатка в кавалерии, чтобы преследовать беглецов; люди графа де Грюйера и австрийские и лотарингские воины гнали по дороге до Аванша, не оставляя никакого убежища рассеянным повсюду врагам.

Особенно ломбардцы не находили никакой пощады; многих из них перерезали. Окружённые таким образом со всех сторон, многие пытались добраться до графа де Ромона, проходя через озеро. Оно не глубоко, но дно его очень илистое. Большинство этих всадников увязло в грязи и камышах; другие зашли слишком далеко в озеро и утонули. Впрочем, швейцарцы преследовали их даже в воде, пускали в них стрелы, убивали выстрелами из аркебуз и садились в лодки, чтобы добить их [36]. В более чем одном месте вода озера покраснела от крови. Предание рассказывает, что только один кирасир сумел спастись, и то потому, что дал обет святому Урсу, покровителю города Золотурна. Три века спустя рыбаки ещё время от времени вытаскивали в своих сетях доспехи и кирасы.

Наконец, считается, что при Морате погибло восемь или десять тысяч человек из армии бургундского герцога, и более половины было убито хладнокровно после битвы. Никогда швейцарцы не проявляли такой ненависти к своим врагам. «Жесток, как при Морате», — долго было народной поговоркой.

Лагерь бургундского герцога ещё раз попал в руки швейцарцев. Он не был уже так богат, как при Грансоне; однако запасы провизии и боеприпасов всякого рода были в изобилии. Артиллерия была многочисленна; её разделили между союзниками. Герцог Рене узнал свои лотарингские пушки; они были ему возвращены, и швейцарцы, чтобы показать ему всю свою привязанность, дали ему деревянный барак, служивший жилищем бургундскому герцогу. Он был ещё довольно красив и богат. Там нашлись великолепные ткани, редкие меха, оружие прекрасной работы, драгоценная часовня. Красивый портрет герцога Карла был помещён в ратуше Мората. Люди всякого рода, которых эта армия тащила за собой, торговцы, слуги, девицы лёгкого поведения, которых было около двух тысяч, рассеялись там и сям, спрятались в лесах, попросили убежища у крестьян и с большим трудом добрались до страны Во или Франш-Конте.

Граф де Ромон и двенадцать тысяч бойцов, бывших под его командованием, не стали ждать, пока швейцарцы придут к ним. Они даже не попытались отступить в порядке; пройдя между двумя озёрами — Моратским и Невшательским, — он бежал по дороге на Эставайе.

После трёх дней, проведённых на поле битвы, чтобы, согласно древним обычаям, подтвердить перед всеми, что победа действительно одержана, швейцарцы занялись погребением мёртвых. Возле Мората вырыли огромную яму; туда бросили трупы, пересыпая их негашёной известью. Четыре года спустя, когда эти тела были consumed, была построена часовня, куда сложили кости, извлечённые из ямы. Её обычно называли Оссуарием бургундцев; там читалась следующая надпись:

DEO OPTIMO MAXIMO. INCLVTI ET FORTISSIMI BURGUNDIÆ DUCIS EXERCITUS MORATUM OBSIDENS, AB HELVETIIS CÆSUS, HOC SUI MONUMENTUM RELIQUIT [37].

Более трёх столетий этот Оссуарий сохранялся как славное воспоминание о доблести швейцарцев. Жители страны с гордостью показывали этот трофей путешественникам и заставляли их замечать на этих побелевших костях следы великих ударов меча, которыми их отцы поражали солдат герцога Карла. Такой памятник, напоминавший о том, что могут народы, защищающие свои свободы, и о суровом наказании, которое провидение послало гордому и тираническому принцу, должен был бы всегда уважаться. Французская армия, проходившая через Морат в 1798 году, чтобы подчинить Швейцарию, увидела в Оссуарии бургундцев оскорбление славе Франции. Она разрушила часовню и развеяла кости.

Герцог провёл в Морже лишь один день и оттуда прибыл в Жекс; граф де Ромон был с ним: епископ Женевский также пришёл его найти. В своём горе его подозрения обратились на их невестку, савойскую герцогиню [38]. Она была сестрой короля Франции; после дня при Грансоне она отправила ему послание. Предаваясь без сдержки своим мыслям, он пришёл к убеждению, что она его предала, что она завлекла его к погибели, что она была добровольной причиной всех его бед. Это ради неё, думал он, он пришёл воевать со швейцарцами, а теперь она собиралась договориться с королём, довершить его разорение, может быть даже замыслить какой-нибудь заговор против него. Он объяснился с гневом по этому поводу с графом де Ромоном и епископом Женевским, которые, либо из страха, либо из привязанности к Бургундскому дому, посоветовали ему испытать савойскую герцогиню и, при необходимости, обеспечить себя её особой.

Она тогда находилась в Женеве; на следующий же день она пришла с молодым герцогом и другими своими близкими нанести визит бургундскому герцогу; и предложить ему некоторые утешения, как уже сделала после его первого поражения. Он был без припасов, почти без слуг, так что она содержала его и отправляла ему из Женевы всё необходимое.

Герцог сказал ей, что собирается уехать и вернуться, уже сегодня вечером, в своё графство Бургундское, чтобы привести в порядок свои дела; что она должна сопровождать его; что швейцарцы вскоре распространятся повсюду; что нельзя знать, до чего дойдут их жестокости, и что он предлагает ей убежище в своих государствах.

Герцогиня поблагодарила его за это доказательство дружбы, но, будучи регентшей, она не могла, ответила она, оставить заботу и управление своими подданными; город Женева был силён, переправа через Рону трудна; впрочем, она не подвергнется никакой опасности, удалившись дальше в Савойю, к Шамбери, где у неё были неприступные крепости; она могла бы даже уехать по другую сторону гор, в свои пьемонтские государства.

Герцог, неудовлетворённый этим ответом, отправил приказ своему камергеру Оливье, сеньору де Ла Маршу, который в тот момент был в Женеве, устроить засаду у ворот города, ждать там проезда савойской герцогини, захватить её и её детей и немедленно привести их в Сен-Клод. Такой приказ показался сеньору де Ла Маршу совершенно безумным: это было, как ему казалось, недостойное предательство, насилие, противное всякому праву, доброй вере,

гостеприимству. Но он знал своего господина; он знал, что ослушание в чём бы то ни было стоило жизни. Приказ был дан ему даже под угрозой смерти. Он принялся исполнять предписанное.

Чтобы заговор лучше удался, герцог удерживал савойскую герцогиню при себе как можно дольше. Была ночь, когда, прощаясь с ним, она выехала из Жекса, чтобы вернуться в Женеву, которая находится всего в двух-трёх льё.

Приближаясь к городу, она была внезапно застигнута и схвачена сеньором де Ла Маршем и теми, кто был с ним. Ночь была очень тёмной; нельзя было различить предметы. Нужно было спешить, прежде чем из Женевы могли прибежать на помощь герцогине. Сеньор де Ла Марш посадил её позади себя на лошадь и захватил одного из детей, которого принял за молодого герцога. Но в этой темноте он ошибся и схватил второго из маленьких принцев; граф де Риварола, губернатор герцога Филиберта, успел спрятать его в пшенице у дороги, пока маршал Савойский и офицеры свиты герцогини старались её защитить и вырвать у бургундцев. Сеньор де Вилетт сумел спасти также принца Луи-Жака.

Мессир Оливье удалился как можно быстрее, перешёл горы ночью, увозя герцогиню и двух её дочерей и полагая, что у него также молодой принц. После того как он дал им немного отдыха в Мижу, он прибыл в Сен-Клод, где герцог, узнав, что молодой савойский герцог не был захвачен, пришёл в такую ярость, что хотел предать смерти своего камергера за то, что тот не исполнил его приказов. Однако он в конце концов успокоился и приказал отвезти мадам де Савой в замок Салин.

Что до него, он обосновался в этом городе и решил создать новую армию, чтобы вернуться в Швейцарию. Вся та, что сражалась при Морате, была полностью рассеяна. Если после Грансона ему не без труда удалось собрать беглецов и дезертиров, теперь это было для него совершенно невозможно. Все, преследуемые швейцарцами, умирая от усталости и голода, каждый как мог добрались до своей страны. Он написал в свои различные сеньории и отправил настоятельные и суровые приказы, чтобы вернули дезертиров, чтобы произвели новые наборы, чтобы собрали новые налоги.

Штаты графства Бургундского были собраны [39] под его глазами, в Салине. Он сказал им, что не следует падать духом из-за несчастья; что древние римляне, не потеряв мужества после битвы при Каннах, стали владыками мира; что бургундцы, некогда победившие римлян, не должны показывать меньше постоянства и твёрдости; что он сам из рода Филиппа Храброго, Жана Бесстрашного и герцога Филиппа, доблестнейшего принца своего времени; что он также не столь лишён могущества, как его враги делают вид, что говорят. Он говорил тогда о своих фландрских землях и о всём, что столь богатые города и столь обширные земли могли ему предоставить в людях и деньгах. Он надеялся, что его самые дорогие подданные, те, кто начал величие его дома, бургундцы, не покажутся менее верными и ревностными. Он ещё упомянул о том королевстве Бургундском, которое хотел основать, и закончил, сказав, что сформирует армию в сорок тысяч человек и что также каждый из его подданных должен быть обложен налогом в четверть своего имущества.

Штаты были испуганы таким требованием и этим упорством герцога погубить себя и разорить все страны своего владычества; они умоляли бы его заключить мир; но трудно было говорить с ним об этом, не возбудив его ярости. Ему ответили, расточая великие похвалы его твёрдости; тем не менее Штаты попросили отсрочку для обсуждения обращённых к ним требований. На следующий день они представили ему, что дела обстоят не так, как их видит его пыл и мужество; что в течение нескольких лет цвет дворянства и всех, привычных к оружию, был уведён из страны и не вернулся; столько военных приготовлений, столько снаряжения, столько артиллерии потребовали столь больших расходов, что Графство истощено; торговля прервана; неприятель совершил не один набег, сжигая города и деревни, опустошая поля; земли остались невозделанными, и голод угрожал стране. Они просили герцога вспомнить о его отце славной

памяти, который также вёл великие войны, но никогда не забывал о спасении бедного народа. Бургундский дом, говорили они, имел достаточно сеньорий и могущества, и не было никакой нужды в новых завоеваниях. Впрочем, чтобы показать своему принцу всю свою добрую волю, они предложили сделать последнее усилие и набрать три тысячи человек, которые были бы использованы для охраны Графства от набегов неприятеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.